

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Иркутский государственный университет»
МБУК «Музей истории города Иркутска им. А.М. Сибирякова»

И.Л. Дамешек, Л.М. Дамешек

М.М. Сперанский в Иркутске
1819–1822

Иркутск
Отгиск
2016

УДК
ББК
Д

Научный редактор
д.и.н., профессор А.А.Иванов (ИГУ)

Рецензенты
д.и.н., профессор В.П. Шахеров (ИГУ)
к.и.н., доцент Н.И. Гаврилова (Музей истории города Иркутска)

Дамешек И.Л., Дамешек Л.М. М.М. Сперанский в Иркутске. 1819–1822. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2016. 48 с. ил.

ISBN 0000000000

© И.Л. Дамешек, 2016
© Л.М. Дамешек, 2016
© МИГИ, 2016

Небольшое предисловие

Среди выдающихся государственных деятелей России XIX в. одно из первых мест принадлежит Михаилу Михайловичу Сперанскому (1772–1839 гг.). Безродный выходец их среды низшего православного духовенства, благодаря природному уму и трудолюбию Сперанский в короткий срок сделал блестящую карьеру, познал высочайшие взлеты, горечь падения и возвращения к вершинам власти, оставив по себе память признанного реформатора и выдающегося юриста. Уже в начале XIX в. став одним из ближайших сотрудников императора Александра I, Сперанский выступил с известным и сегодня планом государственных преобразований, предусматривающим трансформацию абсолютной монархии в России в конституционную монархию по английскому образцу, введения Государственного совета, министерской системы и принципа разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. В 20-30-х гг. XIX в. Сперанский возглавил работы по кодификации Российского законодательства, завершившиеся публикацией 40-томного Полного собрания законов Российской империи – уникального мирового памятника права. По воле судеб оказавшись в 1819 г. генерал-губернатором в огромном зауральском крае, Сперанский и здесь занялся реформами, благотворное влияние которых сибиряки и иркутяне ощущают и сегодня.

Бескорыстное стремление М.М. Сперанского к благу страны и Сибири живет в людской памяти до сих пор. Именно поэтому общественность Иркутска, стремясь увековечить и подчеркнуть заслуги Сперанского в истории города, на протяжении ряда лет последовательно добивалась установления памятника этому человеку. Сегодня можно с уверенностью сказать: этот вопрос, благодаря поддержке городской администрации, решен и в непродолжительном будущем в Иркутске, в самом центре города, на пересечении улиц Сухэ-Батора и Желябова появится бронзовый бюст М.М. Сперанского. Установление памятника послужило побудительным мотивом и для появления этой книги: мы хотели бы рассказать иркутянам о городе того времени, о пребывании М.М. Сперанского в Иркутске и его преобразовательской деятельности.

Глава I

Иркутск времен М.М. Сперанского

Развитие Иркутска как центра Восточной Сибири. Иркутск, основанный в 1661 г. как и большинство сибирских городов в качестве военно-административного пункта, одной из основных своих функций имел сбор ясака с местных бурятских племен. Однако особенностью Иркутска, отличавшей его от остальных городов Восточной Сибири, стало сочетание тенденций городского развития с наметившимися административными преобразованиями в крае. Уже с 1682 г. Иркутск – центр самостоятельного воеводства, в 1686 г. он утверждается в звании «города», в 1722 г. становится провинциальным, а в 1764 г. – губернским центром. С конца XVIII в. Иркутск – столица огромного Иркутского наместничества, протянувшегося от Енисея до берегов Тихого океана. Именно этот «административный» аспект породил такой благоприятный факт городской истории Иркутска, как сосредоточение здесь значительного слоя дворян и чиновников, которые своими запросами и потребностями содействовали градообразовательным процессам. Не случайно в момент образования Иркутского наместничества в 1784 г. дворянство в Иркутске составляло 7,1 %, а крестьянство – 7,4 % от общего числа жителей.

Население Иркутска росло быстрыми темпами. Если в конце XVII в. оно исчислялось в 1 тыс. человек, то в 1825 г. т.е. ко времени отъезда М.М. Сперанского из Сибири, в городе насчитывалось уже свыше 14 тыс. жителей. В предреформенную эпоху Иркутск стал самым крупным городом России за Уралом с населением в 28 тыс. человек. В последующее время население Иркутска составляло: в 1875 г. – 32 600, в 1897 г. – 51 473, в 1917 г. – 90 413 человек. Росту населения Иркутска и увеличению его экономического и административного влияния содействовало выгодное географическое

положение. Иркутск с момента возникновения являлся воротами России в Азию, а с возрастанием экономического влияния превратился в форпост Российского государства на востоке.

Город Иркутск являлся важнейшим коммуникационным узлом Восточной Сибири, в нем заканчивался знаменитый Московский тракт, а вспомогательные ветки его вели на северо-восток – в Якутск и на юго-восток в Забайкалье – на Нерчинск и Кяхту. Кроме сухопутных дорог имелись еще речные, которые дополняли трактовый комплекс в меридиональном направлении.

Принципиальной особенностью Иркутска стал факт сосредоточения в нем на протяжении всего XIX и начала XX вв. властей трех уровней: городского самоуправления, губернской администрации и Восточно-Сибирского, впоследствии Иркутского, генерал-губернаторства. Эти обстоятельства находили прямое выражение в социальном составе населения города. По официальным данным 1823 г., жители Иркутска делились на следующие группы: духовенство – 481, чиновники – 1147, военные – 5521, купцы – 306, мещане – 4496, цеховые – 1937, мастеровые – 463, дворовые люди – 207, крестьяне – 365 .

Наряду с этим с 1727 г. Иркутск являлся и центром Иркутской епархии Русской православной церкви. Это была настоящая «держава», территория которой значительно превышала площадь большинства европейских государств. Соседство и взаимодействие светских и духовных властей на огромной территории в глазах большинства современников придавали Иркутску особый статус, что находило выражение в различных сферах деятельности: дипломатической, экономической, административной, духовной, культурно-бытовой. Г.Н. Потанин, один из лучших знатоков дореволюционной Сибири, отмечал: «Ни один город в Сибири не был поставлен в такие условия, как Иркутск; ни в Томске, ни в Омске никогда не было такого хорошего подбора чиновников, какой был в Иркутске..., эти чиновники иногда с университетским образованием... поднимали в местном обществе не только запросы внешней культуры, но и приучали его интересоваться и русской литературой, и вопросами общественной и государственной жизни».

Иркутские власти и общество до М.М. Сперанского. Роль Иркутска как центра инициатив важнейших административных преобразований на востоке Российской империи особенно сильно стала проявляться в начале XIX столетия. В истории России на-

чало века ознаменовалось вступлением на трон императора Александра I, а в Сибири – назначением нового генерал-губернатора И.О. Селифонтова. Его основной задачей стала разработка проекта административного преобразования Азиатской России. В итоге в 1803 г. было образовано единое Сибирское генерал-губернаторство с центром в Иркутске. В руках генерал-губернатора сосредоточивалась огромная власть. Не случайно, что именно с этого времени генерал-губернатор стал именоваться «хозяином» вверенных его управлению губерний. В последствие генерал-губернатора стали называть еще более емким определением – «господин главный начальник края». Огромные полномочия и личностные качества Селифонтова привели к грубому вмешательству генерал-губернатора в дела городского и губернского управления. Жесткому бюрократическому надзору подвергались вопросы снабжения населения продовольствием, деятельность казенных палат и горного управления. Особую ретивость, опираясь на данную ему инструкцию, Селифонтов проявил в стремлении искоренить «дух ссоры и ябеды», якобы исконно присущий сибирякам.

Иркутское городское общество в полной мере испытало на себе действенность этого наказа. Увольнения и преследования неудобных чиновников и купечества приобрели масштабный последовательный характер. На практике эта борьба «с ябедой» свелась к замене одних чиновников другими, но лично известными и преданными Селифонтову. В тех же случаях, когда действия «ябедников» приобретали особенно «злостный» характер, Селифонтов требовал «ссылать их в отдаленнейшие места, где беспокойство их не может быть вредно».

Так, в 1804 г. Селифонтов как «главный прокурор вверенных ему губерний» потребовал удалить из края непокорного иркутского прокурора С.А. Горновского, осмелившегося подать на генерал-губернатора донос в столицу. Затянувшийся характер приобрела борьба Селифонтова с иркутским гражданским губернатором Б.Б. Леццано, закончившаяся отставкой последнего. На освобожденную должность по рекомендации Селифонтова был назначен новый гражданский губернатор – Н.П. Картвелин. Однако уже через год Селифонтов охарактеризовал его как человека не только не имеющего «твердого познания в делах», но даже и не имеющего «охоты заниматься оными».

Характеризуя время пребывания Селифонтова в Иркутске, декабрист В.И. Штейнгель вспоминал, что тот «явился в Сибирь как вице-рой, все пало ниц и безмолвствовало». Довольно скоро вокруг Селифонтова образовался круг доверенных ему лиц, которые и вершили местное управление. Генерал-губернатор прибыл в Иркутск с сыном и фавориткой мадам Бойе с дочерью. «Отношения сей матери и дочери к отцу и сыну недолго оставались двусмысленными. Тотчас догадались, чрез кого надобно обделывать дела, – и обделывали, что хотели и как хотели», – писал В.И. Штейнгель.

Несмотря на отчаянную борьбу с «ябедниками» и «клеветниками», искоренить их полностью Селифонтову так и не удалось. Злоупотребления генерал-губернатора и его окружения породили мощный поток анонимных жалоб иркутского купечества в столицу. В то время это был, пожалуй, единственный способ борьбы с административным произволом. Свободное от бюрократических предрассудков влиятельное иркутское купечество составило весомую оппозицию чиновничеству. Известный российский историк, уроженец села Анги Качутской волости Иркутской губернии А.П. Щапов, характеризуя деятельность органов городского самоуправления в Иркутске, писал даже о возникновении там «маленькой республики». Тот же Щапов отмечал, что местная буржуазия боролась с чиновниками за преимущественное право эксплуатировать народ. Это справедливо. Следует однако отметить, что независимо от интересов иркутского купечества, эта борьба была направлена на расширение местного городского самоуправления, имела социальный характер. Борьба иркутской буржуазии с властью объективно имела прогрессивное значение, способствовала сплочению и росту оппозиционных настроений в различных слоях общества. В итоге Селифонтов был уволен со службы с запрещением въезда в столицу.

Новым генерал-губернатором Александр I назначил протеже влиятельного тогда А.А. Аракчеева – тайного советника и сенатора И.Б. Пестеля. Последнего нисколько не обрадовала новая должность. Он был прекрасно осведомлен о том, что ни один из его предшественников в Иркутске «не кончил иначе, как вследствие доносов лишившись своего места и пробыв много лет под судом». Однако надежда «поправить свое состояние» (из казны Пестелю было выдано 40 тыс. рублей серебром для уплаты долгов – без залога и процентов), в конечном счете, оказалась решаю-

щим фактором. Понимая, что из всех сибирских губерний для него наибольшую «опасность» имела Иркутская, которая всем его предшественникам «шею сломила», новый сибирский правитель решил обезопасить себя с этой стороны и для должности иркутского гражданского губернатора найти человека «совершенно надежнейшего». Таким чиновником стал Николай Иванович Трескин, «правая рука Пестеля».

И.Б. Пестель

За время 13-летнего управления Сибирью сам Пестель провел в крае лишь 10 месяцев. Прибыв в Иркутск в начале 1806 г., 18 августа 1807 г. он уже выехал из Иркутска, чтобы больше никогда сюда не возвращаться. Все остальные 12 лет он управлял Сибирью, проживая в Санкт-Петербурге, под предлогом борьбы с многочисленными «ябедниками». Управление краем было отдано в руки Трескина, считавшегося «образцом для других губернаторов». Хотя Сибирь и находилась далеко от Петербурга, тем не менее система управления краем, созданная Пестелем в столице, а Трескиным в Иркутске, удивительно напоминала аракчеевские военные поселения Европейской России. Жестокое наказание и мелочная регламентация всех сторон жизни сибиряков – вот один из показателей этой системы.

Люди инакомыслящие карались немилосердно. Особенно преследовался «сибирский дух ябеды», при этом администраторам было абсолютно безразлично, кто являлись «жалобщиками» – именитые граждане или простые обитатели. По прямому указанию Трескина было сфабриковано два дела против наиболее влиятельных представителей иркутского купечества – городского головы М.В. Сибирякова и его тестя Н.П. Мыльниковца, «как вредных нарушителей общественного спокойствия». По ходатайству Пестеля император предоставил генерал-губернатору право выслать этих людей из Иркутска по собственному «благоусмотрению». В одно прекрасное утро Сибиряков и Мыльников были приглашены в губернское правление, где их ожидало предписание И.Б. Пестеля о

том, что они, «как вредные члены общества и составители комплотов против начальства», без суда и следствия ссылаются навсегда: Сибиряков – в Нерчинск, а Мыльников – в Баргузин.

М.В. Сибиряков, будучи по натуре железным человеком, вынес этот удар, а Мыльникова разбил паралич, и, уже больной, он был отвезен к месту своего заточения. Позднее, пытаясь, вероятно, оправдаться, Пестель в своих бумагах отмечал, что в Нерчинске Сибиряков имел «главную торговлю», а Баргузин был полезен Мыльникову минеральными источниками, поскольку последний страдал «ревматизмом и параличом». Вслед за этим из Иркутска были высланы еще некоторые представители «партии недовольных»: брат М.В. Сибирякова и купец Дудоровский.

Правящий архиерей Иркутской епархии епископ Михаил с возмущением сообщал обер-прокурору Святейшего Синода князю А.Н. Голицину о том, что по приказанию одного из ближайших соратников Трескина – нижеудинского исправника Е.Ф. Лоскутова – казаки высекли протоиерея местной церкви Орлова.

Воспоминания современников и старожилов Иркутска донесли до нас весьма противоречивые отзывы о Н.И. Трескине. Наряду с резкой критикой, многие из них содержат весьма хвалебные оценки его деятельности, называя Трескина «гениальнейшим администратором», ума и деятельности которого хватило бы на «десять губерний». Особую заслугу Трескина современники видели в том, что он приучил к «хлебопашеству и сенокосению» кочевых бурят и навел в Иркутске чистоту и порядок. В этих оценках содержится немалая доля истины. Ко времени приезда Трескина в Иркутск, город, «известный по своей знатной торговле», имел «вид первобытного состояния». Продуманные планировка и застройка городской черты отсутствовали, и даже на главных улицах и площадях нередко можно было наблюдать «в избытке» не только ветхие, но и «вышедшие из

Н.И. Трескин

линии строения». Хаотичность застройки городских улиц доходила до того, что зачастую между домами сложно было проехать на обычной телеге. Во время дождей многие пешеходные места города превращались в настоящее болото.

По распоряжению Н.И. Трескина улицы и площади Иркутска были подняты и высушены, на главных и даже второстепенных улицах проложены гати. Однако чтобы придать Иркутску «благопристойную наружность», необходимо было прежде всего исправить «кривизну и косину» улиц. Для этого Трескину пришлось проявить не только известную настойчивость, но и изобретательство. Он предписал полицейским чинам осуществлять строгое наблюдение за тем, «чтобы не в плане стоящие ветхие строения не позволять починять», уповая на то, что эта мера заставит нерадивых домовладельцев перенести дома на новое место «по плану» или продать их другому. Но четырехлетний опыт показал «совершенную неуспешность» исполнения этого предписания: городские жители стали поддерживать разваливающиеся дома изнутри подпорками. Тогда Трескин принимает принципиальное решение о сносе домов, стоящих не по плану. При этом согласия домовладельцев никто не спрашивал. За неполные два года, с 1810 по 1812 г., было разобрано 35 домов.

Спустя много лет старожилы Иркутска вспоминали, как специальная команда, оснащенная топорами и пилами, разбирала и отпиливала углы домов, «сколько нужно по линии улицы». В то время в Иркутске можно было наблюдать удивительную картину, когда наполовину распиленный дом открытой частью выходил на улицу, а в другой части ютился хозяин с семьей. Исправлению подверглись не только обывательские строения, но и питейные дома, кабаки, многие из которых были «не только не в плане, но даже посреди самих улиц, ветхие и безобразные». Несомненной заслугой Трескина стало приведение в порядок казенных и публичных зданий губернского центра, в частности, постройка городских запасных магазинов для хранения стратегических запасов хлеба, здания городской полиции, пожарной команды и др.

Правление Н.И. Трескина в Иркутске хронологически совпало с тяжким испытанием в истории России – Отечественной войной 1812 г. Еще в 1806 г. после указа Александра I об усилении войск, сражающихся с французами, в Иркутске был сформирован батальон добровольцев из 600 человек. Зимой следующего года он

отбыл на запад. Многие иркутяне стремились вступить в ополчение и в 1812 г. Но поскольку на территории Сибири ополчения не формировались, «охотникам» (добровольцам) приходилось добираться до Казани и уже там записываться в формирующиеся части. Буквально в первые недели войны в Иркутске было набрано 566 рекрутов, которых снаряжали и провожали горожане. Наряду с этим в городе проводились общественные сходы, на которых принимались решения о пожертвованиях «для отражения врагов Отечества». В Государственном архиве Иркутской области сохранился список мещан с указанием пожертвованных каждым из них сумм.

В сражениях Отечественной войны 1812 г. принимали участие сведенные в одну бригаду Иркутский и Сибирский драгунские полки. Иркутским полком командовал подполковник Южаков, получивший за участие в Бородинском сражении орден Святого Владимира IV степени. Воины полка покрыли себя неувядаемой славой, отличившись в кавалерийской схватке за главную позицию Бородинского сражения – батарею Раевского. По словам военного министра Барклая де Толли, это была «кавалерийская битва из числа упорнейших когда-либо случавшихся». В этой битве полк потерял более 120 человек. Среди участников этого выдающегося сражения отличились и уроженцы Иркутска и губернии – Федор Башкевич, Михаил Харитонов, Иван Таюрский, Алексей Высокий и другие. После окончания сражений 1812 г. драгунский полк был направлен на переформирование. В заграничных походах русской армии 1812–1814 гг. принимал участие уже Иркутский гусарский полк.

Очевидно, что именно такое сочетание хозяйственных и патриотических инициатив и методов их осуществления вызывали впоследствии снисходительные оценки деятельности Н.И. Трескина в Иркутске.

Безусловно, такое мнение имеет право на существование. Однако нельзя забывать и другое – масштабные бесчинства, беззакония и злоупотреблений чиновников. В Иркутске административный гнет ощущался особенно сильно. Здесь «Трескин и закон были синонимы, более был только Трескин, а закон был далеко, далеко!», – вспоминал современник. Но и в этих условиях среди жителей Иркутска нашлись последовательные противники деспотизма. Одним из них стал известный востоковед (монголовед и

китаевед) А.В. Игумнов, вокруг которого образовался кружок единомышленников, недовольных административным произволом Пестеля и Трескина. Хотя на Игумнова и поступали доносы, он не испугался сообщить своим друзьям в столицу о творящихся в Иркутске беззакониях и просил их о заступничестве перед высшими властями. Иркутский мещанин Саламатов рискнул тайком пробраться в Петербург и подать жалобу императору Александру I.

Таким образом, столкновение чиновничьей партии и городского общества в Иркутске в начале XIX в. закончилось торжеством бюрократии. Однако само городское общество не было раздавлено самовластием. Оно протестовало и сопротивлялось всеми возможными для того времени средствами, претензии иркутского купечества на монополию в торговле и власть в крае сохранялись.

Приезд М.М. Сперанского в Сибирь. В ноябре 1818 г. Комитет министров внял многочисленным жалобам и просил государя назначить в Сибирь нового генерал-губернатора. Безнаказанность местных властей подрывала авторитет самодержавной власти, что было чревато опасными социальными конфликтами. «Темные поборы», взяточничество, казнокрадство снижали платежеспособность сибирского населения, что наносило ощутимый ущерб финансовым интересам империи. Ревизия должна была выявить новые возможности повышения доходности сибирского края, успокоить население и водворить новый порядок в местном государственном аппарате.

Выбор Александра I пал на известного реформатора М.М. Сперанского, служившего в то время пензенским губернатором. В собственноручном письме к Сперанскому император сообщал, что до него доходят «самые неприятные известия насчет управления Сибирским краем». 22 марта 1819 г. последовал именной рескрипт о назначении М.М. Сперанского сибирским генерал-губернатором. Он должен был «сделать осмотр сибирских губерний», обличить всех «предающихся злоупотреблениям», подвергнуть их «законному осуждению». В то же время Александр I предписал Сперанскому «сообразить на месте полезнейшее устройство и управление сего отдаленного края», сделать «оному начертание на бумаге» и самому привезти в Петербург.

М.М. Сперанский воспринял новое назначение без энтузиазма. Однако он хорошо понимал, что иного пути для реабилитации в глазах императора и возвращения в столицу нет. Сановный Пе-

тербург ожидал от Сперанского решительных действий и «видов государственных».

Путь из Европейской России в Сибирь в начале XIX в. был отнюдь не быстрый, и сопряжен с немалыми опасностями в виде многочисленных переправ через бурные и многоводные сибирские реки, число которых доходило до семи в день, «проездов через леса и дичь», «сердитую тундру, головокружительных и опасных спусков с гор...» (из дневника М.М. Сперанского). 24 мая к исходу дня, «почти ночью», Сперанский с сопровождавшими его молодыми единомышленниками – Г.К. Репниским, Г.К. Вильде, Ф.И. Цейером прибыл в Тюмень и вступил в управление «сего отдаленного края», являющегося, по мнению большинства современников, «почти частью света».

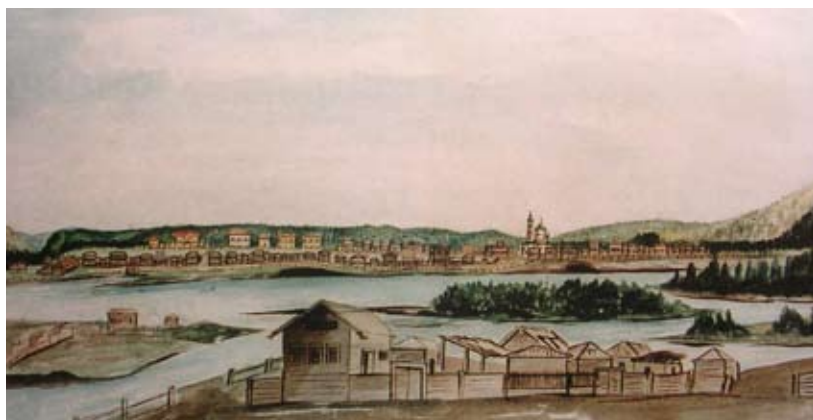
Город произвел на Сперанского «вид печальный», но купечество оказалось «изрядным». Именитые тюменские купцы преподнесли Сперанскому хлеб-соль на серебряном подносе. Однако Сперанский принял только хлеб, а блюдо вернул, чем поверг в замешательство всех присутствующих. По мере продвижения вглубь Сибири, «вид здешних неустройств» и «железного правления» местной администрации все сильнее «возмущали душу» Сперанского. Приезд ревизора, и тем более в ранге генерал-губернатора – очень важное событие в жизни окраины. Однако новому генерал-губернатору не без труда удалось убедить местное население в том, «что жалобы на местное начальство не составляют преступления и что есть, наконец, возможность их принести».

М.М. Сперанский лично объехал большую часть Сибири, посетил кроме губернских городов Томска, Тобольска, Красноярска, еще и Енисейск Омск, Верхнеудинск, Кяхту, Семипалатинск и др. Для расследования наиболее сложных и запутанных дел в отдельных местностях были учреждены специальные комиссии: Нижнеудинская, Верхнеудинская, Иркутская. Специальные чиновники были отправлены с ревизией в Нарым, Туруханск и Киренский уезд, были подготовлены записки о состоянии дел в Охотско-Камчатском крае.

Ревизия выявила вопиющие случаи произвола, казнокрадства и взяточничества. При этом решимость карать виновных у М.М. Сперанского улетучивалась по мере продвижения на восток. В.И. Вагин отмечал, что «жалоб на лихоимство было так много, а зако-

ны против него так жестоки, что М.М. Сперанский решился исключить слово взятки из сибирской ревизии».

М.М. Сперанский в Иркутске. Сперанский спешит в столицу сибирского края – Иркутск. К тому времени и сам «господин главный начальник края», и члены его экспедиции смертельно устали. «Хотелось оседлости», – пишет в дневнике Сперанский. Однако только спустя три месяца, в середине августа 1819 г., Сперанский и сопровождающие его лица прибыли на границу Иркутской губернии – в Нижнеудинск, где были встречены «первым министром» иркутского губернатора Н.И. Трескина местным исправником Е.Ф. Лоскутовым.

Нижнеудинск

Имя последнего приводило не только в трепет жителей волости, но и было хорошо известно многим сибирским и петербургским чиновникам. «Все трепетало его взгляда, и терроризм, карающий смертью, не мог бы внушить большего страха», – свидетельствовал известный иркутский историк и общественный деятель В.И. Вагин. Хотя Лоскутов и смог навести во вверенном его правлению округе порядок: прекратились грабежи и разбои на дорогах, сёла стали опрятнее, поубавилось пьянство, однако все это было достигнуто путем жесточайшего террора и беспримерной жестокости.

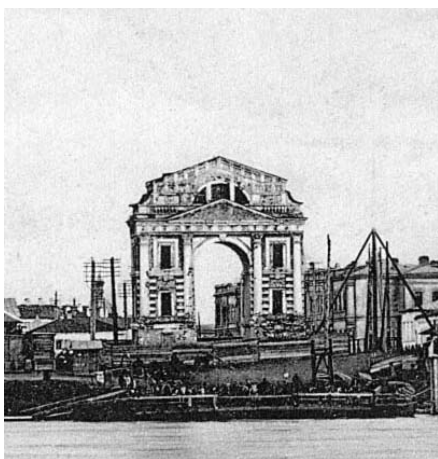
Накануне приезда Сперанского он приказал по всей округе отобрать бумагу и перья, дабы население не могло подать жалобы новому генерал-губернатору. Однако на Нижнеудинском тракте, когда Е.Ф. Лоскутов уже сопровождал Сперанского, из-за кустов

неожиданно вышли два старика с прошениями на голове. Нелегкая миссия им досталась, но община выбрала их ходоками по простым соображениям: старикам все равно умирать – не сегодня, так завтра. Пусть умрут, сделав доброе дело для оставшихся в живых односельчан. Каково же было их удивление, когда рядом со Сперанским они увидели Лоскутова. Ознакомившись с жалобой, Сперанский немедленно приказал арестовать Лоскутова. Тут уж стариков действительно чуть не хватил удар. На коленях они умоляли Сперанского отказаться от этого решения, причитая: «Что ты делаешь, батюшка, ведь это же сам Лоскутов... Как бы тебе за нас худо не было. ... Верно, ты не знаешь Лоскутова».

Между тем Иркутск активно готовился к приезду нового генерал-губернатора. На всех заставах по указанию Трескина были расставлены казачьи разъезды, обязанные незамедлительно извещать о всех передвижениях Сперанского и о принимаемых им в пути решениях. Наконец путешественники увидели в отдалении долгожданный Иркутск. По замыслу местного начальства въезд нового генерал-губернатора в город был обставлен торжественно, как никогда. Он сопровождался невиданными ранее иркутскими жителями световыми эффектами и громом оркестров. Иркутянам надолго запомнилась встреча.

29 августа 1819 г., накануне Александрова дня, Сперанский прибыл в Иркутск. Основные сооружения города – Кафедральный собор, Триумфальные ворота и главные улицы – Большая (сегодня К. Маркса) и Заморская (Ленина) – были буквально залиты огнями. На переправе через Ангару гремел оркестр, а среди огромного стечения народа выделялись губернатор Трескин с чиновниками в парадных мундирах и орденах. В дневнике Сперанский так описал впечатления об Иркутске: «Вид освещенного города из-за реки был великолепен». В виду отсутствия в городе

Московские ворота

специального дома для генерал-губернатора – Пестель в этом не нуждался, так как управлял Сибирью из Петербурга и постоянно жил в столице – было решено разместить М.М. Сперанского в доме золотопромышленника Е.А. Кузнецова (ныне «дом Сперанского», находится на тыльной стороне иркутского автовокзала¹).

Н.И. Трескин был столь предупредителен, что лично повез Сперанского через убранные иллюминацией центральные улицы к мес-

«Дом Сперанского»

ту его проживания. Этот дом располагался отнюдь не в центре, а на окраине города, недалеко от р. Ушаковки. Единственной его достопримечательностью был заброшенный сад, ставший любимым местом прогулок Сперанского и сопровождавших его молодых людей. По воскресеньям Сперанский присутствовал на обедне в приходской церкви, любил выехать за город на речку Каю, а к вечеру запро-

¹ По поводу «дома Сперанского» существует и иная версия: историк А.Н. Гаращенко, например, считает, что дом, в котором останавливался реформатор, сгорел в конце 1850-х годов, а здание по адресу Борцов революции 116 – «на тыльной стороне иркутского автовокзала» – более поздней постройки. См.: Гаращенко А.Н. Дома на Шелашниковской (факты, рассуждения, предположения) // Земля Иркутская. С. 76–87. – *Прим. науч. ред.*

сто заглянуть на огонек к знакомым купцам. Уже много лет спустя старожилы Иркутска вспоминали прогуливавшегося на свежем воздухе в любую погоду высокого, чуть сутулого человека, одетого в простую шинель без всяких знаков отличия, скромную кожаную кепку. Трудно было ощутить в этом одиноком страннике выдающегося мыслителя, в обмен на которого Наполеон предлагал Александру I отдать любое из принадлежащих ему государств Европы.

Ревизия губернии. 4 сентября 1819 г. М.М. Сперанский собрал общее присутствие губернского правления и палат и сообщил им о намерении приступить к ревизии Иркутской губернии на основании сенаторской инструкции. Уже через несколько дней Сперанский напишет ставшие впоследствии знаменитыми строки. «Если бы в Тобольске я отдал всех под суд., то здесь оставалось бы всех повесить». Кроме того Сперанский объявил присутствию о создании под председательством Ф.И. Цейера следственной комиссии «по разным предметам губернского, областного и уездного управления». Комиссия эта проработала почти год, завершив свои занятия 20 июня 1820 г. – перед отъездом Сперанского из Иркутска. Комиссия занималась раскрытием злоупотреблений, но кроме этого ею была составлена историческая записка о земских повинностях, записка о хлебе казенных запасных магазинов и ведомость о перевозке хлеба по провиантским магазинам.

В первые дни пребывания Сперанского в Иркутске жители не спешили подавать жалобы на местные власти из-за опасения преследований со стороны бывшего губернатора Н.И. Трескина. Они боялись, что отстраненный от должности новым генерал-губернатором, он вернется на свое место и отомстит им. Однако, когда этот страх прошел, жалобы стали поступать в большом количестве. Вскоре в Иркутском казначействе вся гербовая бумага (на которой писались жалобы) была распродана.

Ревизионная деятельность чрезвычайно тяготила Сперанского, который «не мог ей сочувствовать ни по личному своему характеру, ни по прежнему роду занятий». Действительно, реформатору приходилось заниматься тем, что раньше было несвойственно его роду занятий, а именно, «разыскивать, преследовать, обличать, ловить преступления». Очевидно, что Сперанский «устал жить в непрестанных ябедах, следствиях и обвинениях». Положение генерал-губернатора было тем тяжелее, что он видел всю невозможность уничтожить зло, укоренившееся годами.

Проводимая ревизия была более совестливой, нежели формальной, так как Сперанский не мог подходить к этому делу с позиций черствого формализма. Он видел, что злоупотребления, кажущиеся большими с точки зрения закона, в сущности, не являлись таковыми. В одном из писем к А.А. Столыпину, обер-прокурору Сената, Сперанский отмечал, что закон, одинаково карающий и начальника, и подчиненного – одного за тысячные взятки, другого за рублевые – «здесь не может быть приложен без явной несправедливости». Поэтому, за исключением «самых вопиющих и решительных случаев», Сперанский не отдавал обвиняемых под суд (всех обвиняемых предать суду было бы «просто невозможно»), а ограничивался отстранением их от должности.

Исключив слово «взятки» из лексикона сибирской ревизии, большую часть дел о лихоимстве Сперанский обращал в гражданские дела и приказывал удовлетворять поданные по ним иски. Тем не менее, по замечанию самого Сперанского, «предать суду 200 человек никогда не поздно», однако он не мог решиться на это, не испытывав всех средств, чтобы согласить закон с совестью»¹⁹. Эти слова отражают характер ревизии, основной целью которой было раскрытие злоупотреблений. Кроме того, Сперанский отчетливо понимал, что здесь «дело не во второстепенных и третьестепенных исполнителях <...>, а в главном виновнике, это – прежде всего, а потом – и здесь суть дела – во всем строе сибирского управления».

Общим следствием было «лихоимство в разных его видах». Число заведенных следственных дел достигло 74, сумма взысканий по которым составила 2 млн 874 тыс. рублей. «Все то, что о здешних делах говорили в Петербурге, не только есть истина, но – и это редко бывает – истина не увеличенная», – писал Сперанский обер-прокурору Синода А.Н. Голицину. Злоупотребления были столь велики, что, по мнению генерал-губернатора, «всякий другой край, менее обильный, был бы подавлен ими совершенно». Взятничество чинов было «почти всеобщим».

В составленном комиссией регистре о взятках, «вынужденных казаками и урядниками с крестьянских и инородческих обществ», отмечалось, что, например, в Верхнеудинском уезде тайшами, зайсанами и «разными бурятскими начальниками» было незаконно собрано с населения 83 тыс. 388 рублей, а с тункинских бурят за три года (до 1820 г.) – до 70 тыс. рублей. Эти цифры можно назвать колоссальными, поскольку в Сибири в то время деньги были очень редки и дороги. По завершении ревизии, два губернатора и

48 чиновников были отданы под суд, а всего «обвиняемых по всем следствиям» насчитывалось 680 человек.

В конце 1820 г. генерал-губернатор представил императору краткий отчет о ревизии, в котором обрисовал общий характер злоупотреблений, выявленных в ходе обозрения края. Основными из них были: злоупотребления в порядке заготовления хлеба для провиантских, винокуренных и запасных магазинов, в сборе налогов и т. д. Более подробно сведения о злоупотреблениях впоследствии были изложены в общем отчете М.М. Сперанского об обозрении Сибири и приложениях к нему.

Первая причина злоупотреблений, по мнению ревизора, состояла в образе управления, «краю этому несвойственном». В числе прочих причин Сперанским были названы недостаток «уставов» для отдаленных мест Сибири, недостаток устройства в волостном правлении, отсутствие общественного мнения, выразителем которого (по Сперанскому) являлось дворянство.

В это же время Сперанский приступил к более важному, нежели ревизия, делу – разработке проектов сибирских преобразований. Большинство из них обдумывал и писал сам реформатор, однако за нехваткой времени и отсутствием «наклонности заниматься подробностями», часть дела поручал Г.С. Батенькову (сюда входили сбор сведений и предварительные наброски проектов преобразований). По словам самого реформатора, он не мог обойтись без Батенькова, как «мастер без ученика». Сперанский считал, что «должно обезопасить народ точными правилами». Уже к январю 1820 г. (а прибыл он в Сибирь в мае 1819 г.) М.М. Сперанский посчитал свою миссию выполненной и доложил царю, что ему «делать в Сибири совершенно нечего. Управлять ею невозможно, к сему надобны люди и другой порядок». Несмотря на это, он пробыл в Сибири еще год.

Иркутянам М.М. Сперанский запомнился не только как великий государственный деятель. На далекую сибирскую окраину Михаил Михайлович сумел привнести и «светский дух», и известную «открытость в мыслях», и «свободу» в повседневном поведении. Все это – так же важно как и ревизия, и преобразования. Об этой стороне жизни Сперанского будет вполне уместным привести отрывок из книги В.И. Вагина:

«...Общественная жизнь в Иркутске чрезвычайно оживилась с его приездом. По мнению одного современника, приезд Сперан-

ского составлял эпоху и в этом отношении. Появились новые люди, новые идеи, новые обычаи. Сперанский завел еженедельные собрания. «Мне нужны точки соединения, – писал он дочери, нужно снять оковы прежнего сурового, угрюмого правительства. – Едва верят здешние обыватели, что они имеют некоторый степень свободы и могут без спроса и дозволения собираться, танцевать или ничего не делать».

<...> Иркутскому обществу сначала была даже несколько дика светская свобода, которую вносили в него петербургские чиновники Сперанского. Не обходилось и без недоразумений. Но вообще зимний сезон 1819/20 г. был один из самых веселых в Иркутске. Балы и маскарады следовали один за другим; последние особенно занимали Сперанского своей оригинальностью и многолюдством. «У нас маскарады, и прекрасные. Это суцая история всех наших диких костюмов. Тут Китайцы, Японцы, Алеуты, Шаманы, и, Бог знает, чего тут нет, и все одето с большою точностию. Число людей было не менее 500». Эти маскарады надолго остались в памяти современников.

<...> К числу общественных развлечений принадлежали официальные обеды. Сперанским отмечено несколько таких обедов, данных купечеством в торжественные дни. Сам Сперанский на святой неделе дал три обеда сряду: для духовенства, для чиновников и для купечества. «Я устал, – пишет он дочери, – жить в непрестанных ябедах, следствиях и обвинениях; слава Богу, они кончились, и, готовясь оставить Иркутск, я хочу оставить его с приязнию». Обеды эти, без сомнения, возбудили в свое время большие толки, так как воспоминание о них сохранилось до сих пор... Кроме того у него было несколько частных обедов. Один из них, для членов Пекинской миссии и офицеров морской экспедиции, вызвал в письме его к дочери остроумную заметку о том, что Сибирь есть настоящая отчизна дон-кихотов...

<...> Общественная жизнь Иркутска разнообразилась при Сперанском и учреждением разных общепользных заведений. Так были учреждены – благотворительное общество для бедных, на что было собрано по подписке до 8.000 р., Ланкастерская школа и отделение Библейского общества. ... Такие учреждения..., кроме своей прямой цели, естественно, содействовали сближению разрозненного и запуганного во времена Трескина местного общества...»².

---

² Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири, с 1819 по 1822 год. Том первый. СПб., 1872. С. 42–50.

Глава II

Сибирские реформы М.М. Сперанского

Сибирский комитет. Для рассмотрения отчета М.М. Сперанского по обозрению Сибири, обсуждения планов и проектов реформ и проведения их в действие именным указом Александра I от 21 июля 1821 г. был образован специальный орган Первый Сибирский комитет. По указанию императора в комитете были сосредоточены все сведения о Сибири, имеющиеся в распоряжении правительства. В первый состав учрежденного комитета вошли: министр внутренних дел граф В.П. Кочубей (председатель комитета), министр финансов граф Д.А. Гурьев, министр народного просвещения и образования князь А.Н. Голицын, граф А.А. Аракчеев, государственный контролер барон Б.Б. Кампенгаузен, сам М.М. Сперанский. Управляющим делами был назначен Г.С. Батеньков.

В последующем состав комитета менялся. В период с 1823 по 1826 гг. его возглавлял А.А. Аракчеев, в 1828–1838 гг. – А.Н. Голицын. В разные годы в состав комитета входили: начальник Главного штаба И.И. Дибич, министры внутренних дел В.С. Ланской, А.А. Закревский, Д.Н. Блудов, военный министр А.И. Чернышев, шеф жандармов А.Х. Бенкендорф и др. После ареста Г.С. Батенькова в 1826 г. управляющим делами комитета стал А.П. Величко³. Персональный состав комитета, в который на протяжении всего времени существования входили виднейшие сановники империи, свидетельствует о том большом значении, которое придавали его деятельности российские самодержцы – Александр I и Николай I.

Некоторые члены Сибирского комитета заслуживают особого внимания по той роли, которую они играли в ходе подготов-

---

³ М.М. Сперанский: Сибирский вариант имперского регионализма. Иркутск, 2003. С. 136.

А.А. Аракчеев

В.П. Кочубей

ки и проведения реформы. В этом смысле первенствующее значение принадлежит А.А. Аракчееву, который с 1815 г. фактически руководил Государственным Советом, Комитетом министров, императорской канцелярией, став единственным докладчиком Александру I по большинству министерств и ведомств⁴. Сперанский хорошо сознавал влияние Аракчеева при дворе и стремился поддерживать с ним теплые личные отношения. Будучи в Сибири, Сперанский состоял с Аракчеевым переписке⁵, а позже, по возвращении в Петербург, в день рождения Аракчеева 23 сентября отправил ему только что отпечатанный экземпляр «сибирского учреждения» со следующими словами благодарности: «Уверен, что Вам приятно будет взглянуть, в свободные минуты, на дело, которое Вам большею участию обязано успешным его движением и совершением»⁶.

Из остальных членов Сибирского комитета, покровительствующих Сперанскому, следует отметить В.П. Кочубея. Их сотрудничество имело давнюю историю. Еще в период организации Министерства внутренних дел, первым главой которого и

был назначен Кочубей, Сперанский, по предложению последнего, принял активное участие в разработке организационных основ нового ведомства, а затем служил в этом министерстве. Несмотря

⁴ Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Том первый. М., 1994. С. 99.

⁵ См.: Корф М. Жизнь графа Сперанского. Т. 2. СПб., 1861. С. 178 и др.

⁶ Цит. по: Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь... Омск, 1995. С. 79; Корф М. Жизнь графа Сперанского. Т. 2. СПб., 1861. С. 266.

на различные превратности судьбы, эти два незаурядных человека сохранили взаимное уважение друг к другу, о чем свидетельствует их личная переписка в период пребывания Сперанского на посту Сибирского генерал-губернатора в 1819–1821 гг.⁷ В давней переписке состоял Сперанский с еще одним влиятельным членом комитета – А.Н. Голицыным, который после выхода Аракчеева в 1826 г. в отпуск «по болезни», возглавил Сибирский комитет.

Сибирский комитет изначально создавался как орган, непосредственно подчиненный императору, с широкой компетенцией и автономией. Сибирским генерал-губернаторам «повелено было» состоять в «прямом сношении с сим комитетом», а отчеты на высочайшее имя предоставлять только через него. Министерством надлежало «вносить в сей же комитет все вопросы, имеющие связь с новым устройством Сибири»⁸. Как видим, координирующая роль комитета в деле разрешения «сибирских вопросов» была очень велика. По сути дела, он становился высшим правительственным органом по управлению Сибирью. Однако в отличие от других высших государственных органов – Государственного Совета и Комитета министров – сибирский комитет не имел плановых заседаний, последние собирались по мере необходимости. В этом смысле, он напоминал Негласный комитет, который не являлся организацией государственного учреждения. Мнения членов комитета фиксировались в специальном журнале, который предоставлялся на высочайшее утверждение. Эти журналы, сохранившиеся в фондах РГИА⁹, и частично опубликованные С. Прутченко¹⁰, являются важным источником для анализа деятельности этого «особого комитета».

А.Н. Голицын

⁷ См.: Корф. Указ соч.

⁸ ПСЗ-П. Т. 13. Отд. 1. № 10867.

⁹ РГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 7-16.

¹⁰ Прутченко С. Сибирские окраины. Приложения. СПб., 1899. С. 157–219.

Первое заседание комитета состоялось 5 августа 1821 г. На заседании 3 ноября того же года был составлен план работы и конкретизированы обязанности членов комитета. Основные из них сводились к следующему: «1) Подробное рассмотрение общего и частных предложений по предмету устройства Сибирского края. 2) Постепенное выведение оных в действие по мере соображения и утверждения начертанных и приличных к тому правил. 3) Рассмотрение новых мер, от имени Управления представляемых. 4) Разрешение затруднений, которые может встретить местное Управление при введении новых положений и руководство оно-го в высшем отношении на основании принятых начал»¹¹.

Таким образом, на первом этапе деятельности члены комитета свою основную задачу видели в изучении и разработке «общих и частных предложений» по преобразованию Сибири.

Логика реформ. Исследователи деятельности первого Сибирского комитета единодушны в том мнении, что основные предложения Сперанского по реформированию Сибири не встретили серьезных возражений участников обсуждения и были довольно быстро утверждены. За период с августа 1821 по май 1822 гг. был рассмотрен весь пакет предложений, состоящий из 10 законопроектов, насчитывающих в общей сложности свыше 4000 статей. В этом, по признанию самих членов комитета, заключалось их «главное упражнение»¹². На заседаниях 13, 20, 27 октября, 10, 17, 24 ноября было одобрено само «сибирское учреждение» и девять уставов и положений, составляющих суть сибирской реформы, в том числе «Устав об управлении инородцев», «Устав об управлении киргиз-кайсаков», «Устав о ссыльных», «Устав об этапах», «Устав о сухопутных сообщениях», «Устав о городских казаках», «Положение о земских повинностях», «Положение о хлебных запасах», «Положение о долговых обязательствах». 22 июля все 10 законопроектов, в том числе «Учреждение для управления Сибирских губерний», были утверждены царем Александром I. На этом закончился первый этап деятельности Сибирского комитета.

«Сибирское учреждение» – это не просто территориальная привязка юридических норм империи к определенной территории, а концентрированное выражение политики государства применительно к данному региону. Вот почему в обоих законах

---

¹¹ Там же. С. 168.

¹² Прутченко С. Указ. соч. С. 195.

нашли отражение принципы формирования регионального государственного устройства как на общеимперском, местном, так и на обычно-правовом уровнях. Об этом свидетельствует не только внутренняя структура документов, но и само название и содержание конкретных статей этих законов. Они содержат такие важные, с точки зрения юриспруденции понятия, как «территория», «законодательство», «управление», «устройство», «сословие». Не случайно уже первые статьи «сибирского учреждения» содержат определение географических рамок Западной и Восточной Сибири, характеристику различных уровней управления регионом¹³, а в «Уставе об управлении инородцев» прежде всего даются юридическое и экономическое обоснование необходимости введения нового сословия в России – «сибирских инородцев», разделения их на разряды – оседлых, кочевых и бродячих, – определяются права и обязанности каждого из разрядов¹⁴.

Необходимо подчеркнуть, что Сибирское законодательство 1822 г, как и ряд иных нормативных актов по управлению окраинами империи, например Конституция Польши 1815 г, законы первой половины XIX в. об управлении Кавказом и Финляндией, несли в себе черты как прагматизма, так и толерантности. Они были призваны не только теснее увязать окраинные территории с историческим ядром государства, но и обеспечить внешнюю и внутреннюю безопасность этих территорий, их социальную стабильность в рамках империи. Иными словами, при разработке отмеченных нормативных актов приоритет отдавался решению геополитических задач при одновременном стремлении законодателя интегрировать региональную систему управления в общегосударственные механизмы власти.

Анализ нормативных актов империи по управлению окраинными территориями позволяет утверждать, что региональное законодательство не только не нарушало государственное устройство России, но, наоборот, дополняло и корректировало его в соответствии со сложными внутри и внешнеполитическими задачами, стоящими перед многонациональным государством. Согласно «Сибирскому учреждению» 1822 г., Азиатская Россия разделялась на два генерал-губернаторства: Западно-Сибирское с центром в Тобольске и Восточно-Сибирское с центром в Иркутске. К За-

¹³ ПСЗ-1. Т. 38. № 29125. Пар. 1-8.

¹⁴ Там же. № 29126. Пар. 1-4.

падной Сибири были отнесены Тобольская, Томская губернии и Омская область, к Восточной Сибири – Иркутская, вновь образованная Енисейская губерния, Якутская область, Охотское и Камчатское приморские управления и Троицкосавское пограничное управление. Губернии делились на округа, а последние – на волости и инородные управы.

Иркутская губерния 1800 г.

Разделение Сибири на две большие административные группы не было совершенно новой идеей. Отчасти это было возвращением к прежней административной практике Тобольского и Иркутского наместничеств. В отчете о ревизии М.М. Сперанский ссылался как на прежний опыт, так и на рекомендации известных ученых П. Палласа и И. Гмелина. При обосновании разделения Сибири на две части законодатель постарался учесть целый ряд факторов: невозможность управлять краем из одного регионального центра, естественно-географические условия, численность, размещение и этнический характер населения, развитие торговли и промышлен-

ности, горного промысла, снабжение продовольствием, пограничное управление.

Если задача установления законности в управлении, по мнению М.М. Сперанского, достигалась созданием ряда особых сибирских уставов и положений, то вторая задача предусматривала создание такой административной системы, которая бы смогла сдерживать личный произвол в управлении. Г.С. Батеньков определял эту задачу как стремление поставить генерал-губернатора в правовые рамки, разделить «власть и исполнение». Существенной особенностью генерал-губернаторского управления в Сибири стала реализация идеи создания при территориальных начальниках коллегиальных совещательных органов, которые бы корректировали действие единоличной власти в виде Советов Главных управлений, губернских и окружных советов. Совет Главного управления учреждался под председательством генерал-губернатора, в его состав входили три члена от министерств (внутренних дел, юстиции и финансов) и три члена в качестве производителей дел, назначаемых по представлению генерал-губернатора.

М.М. Сперанский вначале планировал довольно широкий состав Совета, предлагая кроме вышеназванных советников включить в него представителя Военного министерства (начальника внутренней стражи), окружного начальника путей сообщения, губернатора, председателей основных губернских учреждений, прокурора. Но в окончательной редакции проекта он отказался от этой мысли. Небольшой состав совета показался предпочтительней, чтобы обеспечить более высокую оперативность в обсуждении дел. Отказ от выборного начала при формировании сибирских советов разных уровней управления М.М. Сперанский объяснял отсутствием в Сибири дворянства и достаточного количества купечества.

Основной задачей Главного управления должно было стать осуществление общего надзора за деятельностью местной администрации. Совет Главного управления имел лишь совещательные функции, и генерал-губернатор не был связан его решением. При разногласии генерал-губернатора с Советом по этой категории дел высшей инстанцией выступал уже Сенат. Таким образом, это были весьма робкие попытки юридически ограничить произвол генерал-губернаторов. Создание Советов Главных управлений не было в чистом виде возвращением к коллегиальности в местном

управлении, это была бюрократическая комбинация, в которой мнения членов без труда поглощались высшей властью председателя.

Аналогичная Главному управлению модель устанавливалась на губернском и окружном уровнях. В губерниях различалось так называемое общее и частное (отраслевое) управление. В губернский совет под председательством губернатора вошли председатели губернских учреждений и губернский прокурор. Упразднилась должность вице-губернатора, он превращался в председателя казенной палаты. Вторым же лицом в губернии после губернатора теперь стал председатель губернского правления. М.М. Сперанский именвал губернатора «хозяином» губернии и предпринял конкретные шаги к объединению частных управлений в губернии, «чтоб части сии одна другой способствовали, и чтоб весь состав губернского управления представлял нечто целое и совокупное»¹⁵.

Существенной функцией губернатора и губернского совета являлся надзор над всей губернской и окружной администрацией. В непосредственной власти губернатора оставались наиболее важные вопросы управления, надзора и даже судопроизводства.

Фрагмент памятника
к 1000-летию России

Основным средством надзора губернатора оставались обозрения губернских и окружных учреждений и ревизия делопроизводства в них. От него фактически зависело назначение и увольнение большинства чиновников в губернии, представление их к наградам. Губернатору было предоставлено право пересмотра уголовных дел, закрепляющее вмешательство администрации в судебный процесс. Все вышеизложенное свидетельствовало о преимущественном положении в управлении полиции, подведомственной губернатору и губернскому правлению.

Областные учреждения являлись, по сути, приспособлением

¹⁵ Там же. С. 85.

губернского управления к местным условиям¹⁶. Уезды в Сибири были переименованы в округа. В зависимости от количества населения окружные и городские управления делились на три категории: многолюдные, средние и малолюдные. Лишь в многолюдных округах и городах предусматривался полный набор учреждений.

В своих планах дать для Сибири особое управление М.М. Сперанский опирался как на общие идеи об устройстве государственного управления, так и на частные предложения об исправлении сибирского административного аппарата. М.М. Сперанский не собирался ограничивать генерал-губернаторскую власть в Сибири, значение силы и самостоятельности которой он вполне сознавал. Он намеревался строить эту власть на несколько иных принципах: законность, разделение и единство власти, создание противовесов единоличной власти на всех уровнях управления. Осторожность, умение лавировать, учитывать всевозможные влияния и мнения – эти качества всегда были присущи М.М. Сперанскому. Царская опала и Сибирь лишь обострили их.

Законы о коренных народах Сибири. Главным итогом ревизии и реформ Сперанского, применительно к народам края, стал «Устав об управлении инородцев» – один из важнейших памятников законодательной деятельности империи в Сибири, разработанный на основе учета геополитических, этнических и иных особенностей Азиатской России. «Устав» свидетельствует об известной гибкости правительственного курса, понимании им особой роли государства и его институтов в организации жизни подвластного населения, дает возможность понять правительственный взгляд на коренное население Сибири, определить ту роль, которую отводила империя народам края в социально-экономическом развитии восточных окраин государства. «Устав» 1822 г. явился самым широким законодательным актом правительства по отношению к народам Сибири. Он действовал вплоть до начала XX столетия, регламентируя все стороны жизни коренного населения: экономическую, административную, судебную-правовую и культурно-бытовую.

В соответствии с «Уставом» 1822 г. коренное население Сибири делилось на три разряда: «оседлых», «кочевых» и «бродячих».

¹⁶ Кузнецова Е.А. Область как единица административно-территориального деления Сибири в 1822–1858 гг. // История и общество в панораме веков: Материалы Всесоюзной Байкальской исторической школы. Иркутск, 1990. С. 35–39.

избирались на общем собрании, к участию в котором допускались все члены общины.

Хозяйственная деятельность управления касалась прежде всего сбора налогов и податей. Судебные функции состояли в разборе незначительных гражданских дел. Суд и расправа производились на основе законов обычного права, кодификация которого предусматривалась «Уставом». Политические и криминальные дела подлежали разбирательству русскими чинами.

«Устав» сохранял почетные звания кочевников. «Звания наследственные остаются наследственными, звание избирательное остается избирательным», – говорилось в «Уставе». Принцип наследственности допускался и при замещении должностных лиц на выборах. В случае отсутствия прямого наследника разрешалось избрание ближайшего родственника.

Сохраняя, таким образом, патриархально-феодалные отношения, «Устав» в ряде случаев отходил от принципа наследственности, давал определенную свободу выборному началу.

Как видим, самодержавие в своей политике по отношению к народам Сибири по-прежнему опиралось на феодальную верхушку «инородческого» общества. Предоставляя «почетным инородцам» различные льготы и привилегии, царизм стремился заручиться их поддержкой. Указом Сибирского комитета от 1 ноября 1832 г. «инородцы», пользующиеся правами личного дворянства и их дети, освобождались от уплаты ясака. В целом «Устав» ослаблял патриархально-феодалные отношения, но не уничтожал их.

«Устав» предусматривал ряд протекционистских мер по отношению к торговле. Вводился принцип свободной частной торговли с сибирскими «инородцами». Свободная торговля разрешалась не только на сугланах и ярмарках, но и в русских городах и селениях. В целях пресечения различного рода злоупотреблений запрещалась торговля чиновников с коренным населением.

Правительство понимало, что без успешного развития торговли в условиях упадка роли и значения пушного промысла бездоимочное взимание податей и повинностей с населения края становилось невозможным. Поэтому в «Уставе» 1822 г. делалась попытка, не изменяя патриархально-феодалной основы «инородческого» общества, учесть те буржуазные тенденции, которые уже обозначились в первой четверти XIX в.

Стремясь поднять платежеспособность «инородцев» Сперанский попытался на основе поощрения буржуазных начал построить налоговое обложение аборигенов. Тем самым делалась попытка оградить их от злоупотреблений со стороны чиновников, столь обычных при приеме в ясак «мягкой рухляди». В «Уставе» отмечалось, что «казенные комиссионеры... на ярмарках инородцев выдерживают цены наравне с прочими покупателями». Наряду с денежными взносами, разрешалось сдавать ясак пушшиной, которая при оценке делилась на два сорта: «обыкновенную» и «дорогую».

«Устав» регламентировал государственные, земские, уездные и частные сборы. Подчеркивая самобытность народов Сибири, автор «Устава» оговорился, что «никакой новый общий по государству налог не распространяется на сибирских кочующих и бродячих инородцев, если о том именно не будет предписано».

Приравнивая кочевых «инородцев» к крестьянскому сословию в гражданских правах «Устав» сближал их и в налоговом обложении. «Кочующие инородцы участвуют в общих по губернии повинностях», – гласил документ. Кроме того они должны были содержать за свой счет и родовое управление.

Подробное исчисление всех сборов составлялось гражданским губернатором или областным начальником и утверждалось генерал-губернатором. Сборы на содержание родового управления производились на основании общественных приговоров, а на земские повинности – на основании особого положения, выработанного «местным главным управлением». Для точного учета всех сборов вводились специальные «шнуровые книги», хранившиеся в земском суде.

Специальная глава «Устава» была посвящена взысканию недоимок, но и тут реформатор стремился ограничить вмешательство администрации. Недоимки надлежало взыскивать «не иначе, как на ярмарках и сугланах». Традиционное выколачивание недоимок заменялось такими мерами, как «настоятельное убеждение», задержание старосты или его сына, ближайшего родственника, задержание части пушнины, предназначенной для продажи.

Ряд статей «Устава» был посвящен вопросам культурно-бытовой жизни народов Сибири. В вопросах религии «Устав» стоял на позициях веротерпимости. Реформатор отрицал насильственное крещение как меру распространения христианства. «Земское начальство обязано не допускать стеснения инородцев под предло-

гом обращения в христианскую веру», – говорилось в «Уставе». Некрещенные «инородцы» получали «свободу отправлять богослужение по их закону и обрядам». Вместе с тем «Устав» подчинил «иноверческое духовенство... местной полиции наравне с прочими инородцами». Принятие христианства расценивалось как положительное явление, но вместе с тем «Устав» не наделял никакими привилегиями крестившихся «инородцев». Уже позднее, в 1832 г. последовало предписание Сибирского комитета «О сложении ясака на три года с инородцев, вступающих в христианскую веру».

Устав предоставлял ясачным право отдавать детей в правительственные учебные заведения и открывать свои училища. Школа, полностью подконтрольная государству, рассматривалась как важный составной элемент политики русификации нерусского населения. Однако в подобных действиях правительства нельзя не видеть и известный социокультурный аспект, связанный с приобщением народов Сибири к грамотности и русской культуре в целом. Таковы основные положения «Устава об управлении инородцев» 1822 г. в области хозяйственной, административной, судебной и культурно-бытовой¹⁷.

В итоге отметим, что разработанный М.М. Сперанским «Устав об управлении инородцев» стал первым в России сводом комплексного регионального законодательства, разработанного для одного из самых обширных регионов империи. Он появился в то время, когда в России, за исключением ее западных окраин, действовали общие для империи юридические нормы, регламентирующие права и обязанности населения и рассеянные в бесчисленном множестве указов.

Устав имел ряд недостатков, на что в ходе его реализации не раз указывали сибирские чиновники различного ранга. Тем не менее, этот закон вплоть до конца XIX в. закрепил основные принципы административной, финансовой, национальной политики империи применительно к сибирским аборигенам. Он стал первым в империи опытом разработки и принятия свода законов, основанного на национальных традициях и особенностях народов Азиатской России.

---

¹⁷ Устав об управлении инородцев М.М. Сперанского опубликован в Полном Собрании Законов Российской империи (ПСЗ), собрание 1, т. 38, № 29126. Подробный анализ устава см.: Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири... С. 35–45.

Одним из важных последствий введения Устава 1822 г. в практику стала кодификация норм обычного права сибирских народов, что и предусматривалось М.М. Сперанским. В итоге было создано два законодательных памятника – «Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири» и «Сборник обычного права Сибирских инородцев для Западной Сибири».

До присоединения к России народы Сибири не знали письменных законов. Общественная жизнь регулировалась на основе обычаев, передававшихся устно из поколения в поколение. С течением времени эти традиционные нормы, правила поведения, взаимоотношения внутри рода и т. д. приняли характер норм права. Кодификацию норм обычного права народов Сибири и предусматривал Устав Сперанского. Сама идея кодификации отражала существующее на тот момент стремление правительства в своей практике взаимоотношений с сибирскими «инородцами» учитывать традиционные институты власти аборигенов, их права и обычаи. Полное подчинение народов Сибири действию общероссийского законодательства авторам Устава казалось абсолютно невозможным.

Началом работ по кодификации стало распоряжение губернской администрации о переводе Устава Сперанского на «инородческие» языки. Затем в губернских городах были образованы специальные комитеты по сбору сведений о юридических нормах аборигенов. Сбор сведений осуществлялся в соответствии с программой, разработанной в Петербурге. В качестве информаторов выступали представители родовой знати. По полноте собранных сведений выделяется проект Иркутской губернии, который в первоначальной редакции насчитывал 844 параграфа и подразделялся на 52 главы. В 1825 г. все собранные материалы были представлены на обсуждение в Сибирский комитет.

Дальнейшая судьба идеи кодификации норм обычного права «инородцев» весьма показательна и свидетельствует о противоречивости взглядов, существовавших в высших правительственных инстанциях на будущее Сибири и ее населения в составе империи. По сути дела, споры велись о путях инкорпорации Сибири в общероссийскую государственную и экономическую систему. Камнем преткновения стал вопрос о земле. Чиновники второго отделения императорской канцелярии настаивали на включении в проект положения о признании верховных прав казны и Кабинета на

инородческие земли. Противоположного мнения придерживался начальник этого отделения Д.Н. Блудов. Опасаясь возможных волнений аборигенов в далекой и пока плохо управляемой Сибири, он предложил исключить это положение из проекта свода законов. Правительство всерьез волновала и теоретическая возможность перекочевки части приграничных племен в Монголию и Китай. Это заставляло сановный Петербург с особой осторожностью рассматривать все проекты, касающиеся «окраинных» народов.

Вопрос о кодификации норм обычного права народов Сибири в высших правительственных сферах – императорском Кабинете, императорской Канцелярии, Государственном Совете – обсуждался вплоть до конца 40-х гг. XIX в. В конечном итоге в 1847 г. правительство признало, что кодификация норм обычного права народов Сибири в том виде, как это предусматривал в 1822 г. Сперанский, будет «не полезным, а вредным». Она послужит лишь консервации наиболее отсталых юридических норм и родовых традиций аборигенов. Правительство учитывало, что за четверть века, прошедших со времени принятия Устава, поток русских переселенцев в Азиатскую Россию существенно увеличился. Под влиянием контактов с русским населением в хозяйственной, общественной жизни и быту народов Сибири наметились значительные изменения. На это прямо указал вновь назначенный генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев, предложивший управление «инородцами» подчинить общеимперскому законодательству.

В середине XIX в. обычное право для большинства народов стало уже пройденным этапом. Сибирь все больше превращалась в край сплошной крестьянской колонизации. Правительство постепенно склонялось к мысли о необходимости ускорения темпов интеграции русского и коренного населения Сибири. Разногласия касались лишь вопроса о том, как эту меру осуществить.

Упорядочение ссылки. В комплексе сибирского законодательства 1822 г., обращают на себя внимание законы, регламентирующие сибирскую ссылку. Плачевное состояние сибирской ссылки, фактически отсутствие надзора за ссылаемыми в край преступниками – все это побудило Сперанского разработать ряд нормативных актов, регламентирующих положение ссылки и самих ссыльных. Уставы 1822 г. о ссыльных и об этапах явились первыми кодексами сибирской ссылки, они не только объединили все действующие законодательные акты по вопросам сибирской

ссылки, но и выделили в особый институт полицейского права законодательство о ссылке в Сибирь, детально регламентировали деятельность местной администрации по этому вопросу¹⁸.

Устав о ссыльных, явившийся первым опытом кодификации российской ссылки, имел громоздкую систему. Он состоял из 33 глав и 435 параграфов. Несмотря на это, Устав учреждал достаточно стройную систему управления ссыльными. Не случайно, он был положен в основу всех последующих законов о ссыльных. В Уставе впервые была предпринята попытка только судебного порядка применения ссылки как вида наказания. Ссылка четко определялась в двух видах: 1. «На каторгу» и 2. «На поселение». И то, и другое определялось исключительно «приговором суда». В Тобольске учреждался приказ о ссыльных, состоявший из управляющего, двух заседателей и канцелярии, а в каждой губернии создавалась экспедиция о ссыльных. В обязанности приказа входили прием и распределение ссыльных «во всех местах находящихся» до их окончательного водворения. Таким образом, прием ссыльных начинался в Тобольском приказе, а заканчивался в Иркутской экспедиции¹⁹.

Устав определил соотношение между каторгой и поселением, при этом на устройство поселенцев авторы Устава обратили особое внимание. Ссылаемые на поселение разделялись на шесть категорий: 1) временные заводские рабочие, работавшие вместе с каторжными, но не более 1 года; 2) дорожные рабочие, направляемые преимущественно на устройство путей сообщения; 3) ремесленники; 4) слуги; 5) поселенцы – причисляемые к деревням старожилов или водворяемые в новых поселениях, и 6) неспособные²⁰.

С особой тщательностью нормы Устава регламентировали деятельность губернской администрации по отправке, приему, распределению и содержанию ссыльных²¹. По прибытии в губернию, ссыльные поступали в ведение местной экспедиции о ссыльных, которая распределяла их «по разным хозяйственным заведениям». Для осуществления над ними надзора, по усмотрению Главного управления (фактически, генерал-губернатора), «назначается потребное число городских казаков». При этом подчеркивалось, что

¹⁸ Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Перцева Т.А., Ремнев А.В. М.М. Сперанский: сибирский вариант имперского регионализма. Иркутск, 2003. С. 159.

¹⁹ ПСЗ-1. Т. 38. № 29128. Пар 1, 2, 33, 156-158, 219.

²⁰ Там же. Пар. 193.

²¹ Там же. № 29128. Пар.21, 233-237.

надзор за ссыльными (в том числе ссыльнокаторжными) «зависит от местного управления каждым заведением»²².

Впервые были введены нормы имущественного и семейного права для ссыльных, оговаривалось снабжение ссыльных как продовольствием, так и одеждой. В частности, Устав предполагал либо выдачу кормовых денег (из казначейства), либо продуктов – «по усмотрению генерал-губернатора»²³. Обеспечение одеждой проводилось по «прилагаемому положению». Так, летняя форма одежды состояла из двух рубаш, двух портов, двух легких онучей и холстяного мешка (замена происходила через шесть месяцев), зипуна, армяка или другой длинной одежды и летней шапки (выдавались один раз в год). Каждые три месяца ссыльным выдавалась пара сапог или чирков. В период с сентября по март к этому добавлялись шаровары крестьянского сукна без подклада, шуба овчинная, пара теплых рукавиц и зимняя шапка (выдавалась раз в год)²⁴.

Таким образом, Устав четко закреплял двойственную природу наказания: каторга и ссылка. Здесь следует иметь в виду, что понятие ссылки в России представлялось сложным; что под общим именем ссыльных, идущих ежегодно в Сибирь по этапу, подразумевалось несколько совершенно различных категорий. В этом отношении прежде всего нужно различать ссылку судебную и административную. Ссылка судебная подразделялась на ссылку в каторгу, на поселение, на житье (до закона 1900 г.) и на водворение. Принудительное административное переселение в Сибирь (административная ссылка) также делилась на высылку в Сибирь переданных в распоряжение правительства мещанскими и крестьянскими обществами, высылку не принятых обществами по выходе из арестантских отделений и ссылку административно-политическую, в интересах общественной безопасности.

Двойственность природы наказания обусловила появление и развитие двух систем управления осужденными: управление поселением и управление каторгой. Управление поселением строилось на основе общей системы управления Азиатской Россией, разработанной М.М. Сперанским и утвержденной в 1822 г. Она представляла собой вертикаль власти, которая подразделялась на несколько уровней управления: Главное, губернское, окружное,

²² Там же. Пар.21, 233-237.

²³ Там же. Пар. 201, 214, 416.

²⁴ Там же. Пар.144-147. Положение о снабжении ссыльных одеждой. См.: Штаты к уставу о ссыльных.

волостное и инородное²⁵. Функции управления ссылкой распространялись на все уровни управления, в зависимости от их властной компетенции.

Высшую ступень – главное управление – составлял сам генерал-губернатор²⁶. Наделенный исключительно широкими полномочиями, он осуществлял контроль над деятельностью всех подчиненных учреждений в пределах вверенного им генерал-губернаторства, в том числе органов управления каторгой и ссылкой, которые находились в рамках его компетенции. Генерал-губернатор через подчиненных чиновников обеспечивал прием, распределение, сопровождение и в конечном итоге надзор за расположенными на подведомственной территории учреждениями пенитенциарной системы. По вопросам политической ссылки генерал-губернаторы подчинялись начальнику Третьего Отделения, а через него – императору. На основе анализа «Сибирского учреждения» и Устава о ссыльных, можно сделать вывод о том, что компетенция генерал-губернатора по установлению и соблюдению режима политической ссылки ограничивалась распоряжениями самого императора, а впоследствии и шефа жандармов. Генерал-губернаторская власть выступала прежде всего в качестве органа надзора²⁷.

Губернский уровень управления возглавляли губернаторы (гражданские либо военные)²⁸. Военным губернаторам была подчинена, наряду с гражданской, военная администрация подведомственной территории и расположенные в ней внутренние войска. В частности, военный губернатор Забайкальской области являлся одновременно и наказным атаманом Забайкальского казачьего войска²⁹.

Компетенция губернатора была проекцией властных полномочий генерал-губернатора, ограниченной рамками губернии (области). В юрисдикцию губернатора в части управления ссылкой и каторгой входили подготовка необходимых документов прибывающим партиям ссыльных, а также административно-полицейские и хозяйственные вопросы, такие, как снабжение ссыльных одеждой и продовольствием, распределение ссыльных по заводам и «разным хозяйственным заведениям». Все дела в части управле-

²⁵ Там же. пар. 4,5.

²⁶ Подробнее см.: Гл.2. Пар.4

²⁷ Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма... С. 110–111.

²⁸ ПСЗ-1. Т. 26. № 25494, 25395.

²⁹ Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма... С. 147.

ния ссылкой на губернском уровне аккумулировались в экспедиции о ссыльных, которая являлась одним из отделений губернского правления³⁰.

Таким образом, на губернаторов было возложено не только управление подчиненными полицейскими учреждениями, но и проверка исходящей и поступающей корреспонденции, регулирование контактов с родственниками и прочее.

Губернаторы через генерал-губернатора подчинялись Министерству внутренних дел, однако на практике же они находились в ведении Третьего Отделения и начальника Сибирского жандармского округа, осуществлявшего контроль за функционированием местной администрации и соблюдением режима каторги и ссылки³¹.

Третье Отделение получало сведения о состоянии ссылки и ссыльных не только через генерал-губернаторов, но и через своих жандармов. В частности, в 1828 г. с ревизией в Сибирь был направлен начальник второго отделения пятого округа корпуса жандармов полковник Маслов. А.Х. Бенкендорф приказывал ему «разведать с точностью, подробностью и осторожностью все обстоятельства до образа жизни ссыльных относящихся, круг деятельности их, обыкновенные разговоры и суждения, а более всего тот оборот мыслей, который они произвели в местах нового их пребывания»³².

А.Х. Бенкендорф

Одновременно с Уставом о ссыльных Сперанским был введен еще один специальный закон о препровождении осужденных в Сибирь – Устав об этапах, коренным образом изменивший порядок отправления осужденных в Сибирь. Устав об этапах (13 глав,

³⁰ ПСЗ-1. № 29125. Пар. 33, 43, 44. № 29128. Пар. 205, 214, 233-237.

³¹ Положением 28 апреля 1827 г. вся территория империи была разделена на жандармские округа и отделения. В 1833 г. был создан VII жандармский округ с центром в Тобольске, а с 1839 г. – в Омске. См.: Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX. Омск, 1995. С. 121.

³² Там же. Пар.144-147. Положение о снабжении ссыльных одеждой. См.: Штаты к Уставу о ссыльных.

разбитых на 199 параграфов) определял состав и обязанности этапных команд, порядок движения партий, ряд положений документа касался содержания этапов и самих этапных команд³³.

Значение реформ. Сибирская реформа 1822 г., разработанная Сперанским в Иркутске при активном участии будущего декабриста-сибиряка Г.С. Батенькова, является одним из наиболее выдающихся событий сибирской истории XIX в. Это был первый российский опыт регионального законодательства, построенного на основе принципа разделения властей, самостоятельной функциональной роли каждой ветви власти в управлении, а также с учетом геополитических особенностей огромного края. Преобразования 1822 г. не только на целое столетие определили структуру сибирской администрации и местного управления, но и оказали влияние на многие важные вопросы жизни края, политики в отношении коренного населения, ссылки, свободы торговли и др. Современники ожидали от Сперанского «действий выдающихся». Г.С. Батеньков так выразил свое отношение к иркутскому периоду деятельности Сперанского: «Сибирь должна возродиться... у нас новый властелин, вельможа добрый, сильный и сильный только для добра».

Сибирская реформа, как и большинство преобразований того времени, готовилась в строгой тайне. Иркутск жил размеренной жизнью. Сперанский принимал посетителей, присутствовал на балах и богослужениях, внешне ничто не выдавало огромного внутреннего напряжения этого человека. По воспоминаниям современников, никто не догадывался о том, что в доме золотопромышленника А. Кузнецова, где жил Сперанский, шла интенсивная мыслительная работа. М.М. Сперанским и его помощниками, в первую очередь Г.С. Батеньковым, был собран и проанализирован огромный комплекс исходных материалов. Этот комплекс законов, насчитывающий 4019 параграфов, является уникальным примером законодательного творчества в Российской империи. Он отличается исключительно высоким для своего времени качеством проработки правового материала. Наиболее характерной его чертой стало стремление Сперанского обеспечить в новом законодательстве сочетание основополагающих политических принципов функционирования империи, сибирской специфики с решением общегосударственных задач.

33 ПСЗ-1. Т.38. № 29129.

Административные преобразования М.М. Сперанского обозначили определенный поворот в «окраинной» политике самодержавия, что свидетельствовало о признании необходимости установления для Сибири особой системы управления. Это была первая попытка подойти к проблемам управления огромным, богатым ресурсами краем комплексно, что указывало на определенное стремление выработать правительственную «концепцию Сибири».

А. Кившенко. Император Николай I награждает Сперанского

Необходимость концентрации власти и усиления централизации в управлении повлекли за собой обостренное внимание самодержавия к организации управления окраинами в первой четверти XIX в. Появился целый ряд законодательных актов, предусматривавших широкий диапазон методов региональной политики: от федеративных принципов до простой деконцентрации административного аппарата. В 1809 г. были приняты особые законы для Финляндии, в 1815 г. – Царству Польскому была «дарована» конституция; автономное управление существовало в 1812–1828 гг. в Бессарабии; действовало особое законодательство по управлению Прибалтийскими губерниями; разрабатываются специальные по-

ложения об управлении Закавказьем, Оренбургским краем, Областью Войска Донского. В 1819 г. при Министерстве иностранных дел был учрежден Азиатский комитет, который, помимо внешнеполитических вопросов, занимался делами по управлению казахов. В русле этих преобразований следует рассматривать и административную политику самодержавия в Сибири. «Сибирский вопрос», таким образом, стал составной частью правительственных планов по реорганизации управления национальными окраинами и олицетворял собой «азиатское» направление в административной политике царизма.

Реформа государственного управления в Сибири, проведенная М.М. Сперанским, стала отражением правительственных поисков оптимального административного устройства регионального управления. В этом смысле, она связана с целым рядом проектов, выдвинутых в начале XIX в., и находится в русле общих процессов перестройки системы государственного механизма. «Сибирское учреждение» 1822 г. вплоть до конца XIX в. определило основные принципы административно-территориального устройства региона.

Судьба реформатора. По возвращении в Петербург основная деятельность М.М. Сперанского была связана с работой по созданию Полного собрания законов и Свода законов Российской империи. Мировая юридическая практика еще не знала столь масштабных работ по кодификации законов! Для этого в структуре императорского Кабинета – высшего политического органа государства – было образовано Второе отделение, а Сперанский назначен его «главноуправляющим».

Впоследствии Сперанский назначается председателем Департамента законов Государственного Совета. 19 января 1833 г. М.М. Сперанский представил императору Николаю I на специальном заседании Государственного Совета 45 томов «Полного собрания законов Российской империи» и 15 томов «Свода законов Российской империи». В знак признания выдающихся заслуг Сперанского в конце торжественной церемонии Николай в присутствии всех членов Государственного Совета снял с себя Андреевскую звезду – высший орден империи, которым при рождении награждались мужчины – члены императорской фамилии, и надел ее на Сперанского. Впоследствии эта сцена по воле императора Александра II была изображена на памятнике Николаю I, установленном

перед Исаакиевским собором в Петербурге работы выдающегося скульптора Клодта.

В 1834 г. по инициативе М.М. Сперанского в столице России была основана «Высшая школа правоведения» для подготовки квалифицированных юристов. Тем самым положено начало высшему юридическому образованию в нашем государстве. Свидетельством личного доверия и «благоволения» императора к выдающемуся реформатору стало назначение его 12 октября 1835 г. преподавателем юридических и политических наук наследнику престола – будущему императору Александру II. Именным высочайшим указом от 1 (13) января 1839 г. в день 67-летия этот бывший сын сельского дьячка был возведён в графское достоинство Российской империи.

Но жить с графским достоинством Михаилу Михайловичу оставалось недолго. 11 (23) февраля 1839 г. он умер от простуды. Похоронен этот выдающийся сын России в некрополе мастеров искусств Александро-Невской лавры. На похоронах присутствовали император Николай I, императорский двор в полном составе, дипломатический корпус. Авторы настоящего издания в период

Могила М.М. Сперанского
в Александро-Невской лавре

своей многолетней работы в архивах бывшего Ленинграда (Петербурга) не раз бывали на этом некрополе, где покоятся останки выдающихся деятелей истории и культуры России – от гениев «передвижников» и членов «могучей кучки» до Е. Капеляна, Г. Товстоногова и А. Собчака. И всегда, независимо от времени года, мы видели на могиле М.М. Сперанского свежие гвоздики.

Беззаветное служение интересам России, высочайший профессионализм и благородство навсегда останутся в памяти потомков. Открытие памятника М.М. Сперанско-

му в Иркутске и появление настоящего издания – тому подтверждение.

Считаем своим неременным долгом выразить искреннюю признательность Сергею Иннокентьевичу Дубровину, директору Музея истории города Иркутска, заинтересованному читателю и знатоку истории нашего города, за организационно-методическую помощь при подготовке этой книги.

Содержание

Небольшое предисловие	5
Глава I. Иркутск времен М.М. Сперанского	6
Глава II. Сибирские реформы М.М. Сперанского	23

И.Л. Дамешек, Л.М. Дамешек

**М.М. Сперанский в Иркутске
1819–1822**

Издательство «Оттиск».

Лицензия ЛР № 066064 от 10.08.1998.

Подписано в печать 24.03.2016 г. Формат 60x90 1/8

Отпечатано в типографии «Оттиск»

Гарнитура Minion Pro.

Печать трафаретна. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 2,07. Уч.-изд. л. 2,79.

Тираж 100 экз. Заказ № .

664025, г. Иркутск, ул. Пятой Армии, 26.

Тел./факс: (3952) 34-32-34, 241-242.

E-mail: ottisk@irmail.ru